

Эмоционально - интеллектуальные драмы Рустама Ибрагимбекова всегда напоминают о том, что он азербайджанец. Напоминают милое сердцу автора приметы азербайджанского быта: какая-то особая душевная распахнутость, открытость шумных бакинских дворики, звучные, пестрые краски жизни, повышенный тонус чувств. Но в то же время чи-

земли. И в ласковом языке писателя Макаёнок злые сатиры, острые трагифарсы, такие хлесткие комедии, что, право же, вспоминаешь знаменитое гоголевское: художник должен просить у неба одновременно Гнева и Любви. Естественно, разные могут быть определения существа народного характера, но за то,

спокойный у башкирского писателя Мустая Карима. В активных «запасниках» многонациональной советской сцены — драматургия литовца Казиса Саи, который свободно совмещает утонченный символ с народным бурлеском. Не сбивая шага работают на Украине Николай Зарудный и Алексей Коломиец, ставшие вровень с корифеями национально-многонациональной сцены — Кочергой, Микитенко, Корнейчуком. Такие пьесы, как «Тыл» Н. Зарудного и «Дикий Ангел» А. Коломийца, несут в себе и горечь, и юмор, и обобщенную образность, и родной украинский «запах черепа» — по названию одной из пьес Коломийца. Спектакль «Дикий Ангел» показан сейчас в Малом театре, давними дружескими узами связанным с украинской литературой, украинской интеллигенцией.

Чувашский драматург Михаил Юхма выступил с новой производственной пьесой «Фундамент», решительно соединив сугубо производственные проблемы со страстной народной мелодрамой, где чувства кипят, раскалены, как сталь в доменных печах. Новое имя возникло и в молодой узбекской драматургии — Абукашхар Ибрагимов, острый, язвительный сатирик. «Меня больше всего интересует внутренний мир человека, — говорит он, — который теперь живет все лучше в материальном смысле, но значит ли это, что сам он духовно становится богаче и чище?» С удовольствием познакомились мы и с искусством грузинского художника Александра Чхайдзе, его пьесе «Чинарский манифест» недавно показал Театр имени Ленинского комсомола.

КАКИМ удивительным событием, какой неожиданной радостью бывало когда-то появление новой интересной пьесы драматурга из братской республики! За длинным зеленосуконным столом конференц-зала Союза писателей СССР собирались: председатель комиссии по драматургии Борис Андреевич Лавренев, члены этой комиссии — Николай Федорович Погодин, Борис Сергеевич Ромашов, Алексей Михайлович Файко, другие маститые 50-х годов, чтобы коллективно порадоваться рождению талантливой пьесы на Украине, в Узбекистане, в Армении и в других братских наших краях. Помню, как читал свою «Калиновую рощу» Александр Корнейчук, как, улыбаясь, твердо и решительно произносил уморительные реплики сатирической комедии «Опытное поле» армянский драматург Наир Зарьян, как скромно, будто бы скованный успехом, знакомил москвичей со своей «Свадьбой с приданым» Николай Дьяконов, как серьезно звучала в исполнении автора — туркменского писателя Гусейна Мухарова поучительная «Семья Аллана», как невозможно было удержаться от смеха, слушая комедию «Женити» осетина Асахмета Токаева, как узбек Абдулла Каххар словно накрывал своим «Шелковым сюжетом» и узкий круг очарованных коллег, и широкую всесоюзную сцену.

метные черты этого современного процесса — создания всесоюзного репертуара, где главное именно Союз. Союз как суть государства и союз как форма бытия национальных искусств.

Национальные таланты сегодня — это крупнейшие, самобытные личности, определяющие судьбы литературы уже одним своим художественным и интеллектуальным авторитетом. Именно такое чувство рождалось когда-то при знакомстве с Мухтаром Ауэзовым, Самедом Вургунгом, Кондратом Крапивой, Александром Корнейчуком, Августом Якобсоном. Родается оно и сегодня, когда встречаешься с Расулом Гамзатовым или Кайсыном Ку-

И. ВИШНЕВСКАЯ

ЗАВЕТНОЕ БОГАТСТВО ТЕАТРА

Малый театр. «Дикий Ангел» А. КОЛОМИЙЦА. В ролях — арт. Г. Скоробогатова и Е. Самойлова. Фото И. ЕФИМОВА

Центральный детский театр. «Долгое-долгое детство» М. КАРИМА. Фото В. ПЕТРУСОВОЙ

Нередко бывал на этих чтениях и Александр Александрович Фадеев, нежно и трогательно любивший театр, драматургию. Его выступления, одновременно романтически приподнятые и глубоко содержательные, придавали собраниям драматургов особую значительность.

И пьесы, так бережно встречаемые Москвой, прочно входили в репертуар страны, становясь как бы полпредами своих национальных культур в единой социалистической культуре.

Но при всей популярности лучших пьес, «приехавших» в Москву в тубетеяхках и халатах, шароварах и чукьяках, черкесках и вышитых сорочках, они все же еще, словно «кисломинки», виднелись в огромном всесоюзном «караване» театрального репертуара. Их можно было сосчитать по пальцам.

Сегодня многое изменилось. Пьесы драматургов братских республик уже не частица всесоюзного репертуара, они составляют сам этот репертуар и его душу, ядро, сердце, основу, уже сами по себе становятся «знаком качества» в искусстве. А одновременно с этим происходит благотворный процесс сближения национальных форм в искусстве. Можно было бы сказать, что искусство и литература испытывают стремление к синтезу, к интеграции, как это происходит в экономике, проследить в совместном бытии советских народов, пользуясь термином Станиславского, своеобразное «переплощение» братских культур.

Как же раскрывается новое единство — единство многонационального искусства в самых разнообразных национальных формах? Назову некоторые, наиболее для меня при-

ливным, Давидом Кугультиновым или Эдуардасом Межелайтисом.

Драматурги братских республик все настойчивее отходят от буквалистской, «вещественной» этнографии, хотя фольклорное, этнографическое начало не исчезает бесследно, а выступает по-новому, придает мощному интернациональному голосу современной драматургии отзвук народной мелодии, народной аранжировки.

Вероятно, вполне можно считать драматургом прозаика Чингиза Айтматова, все его романы, повести — остроконфликтны, раскаленно-драматичны, поэтому проза Айтматова и стала органическим театром Айтматова. Его театр повествует о неразрывном единстве человека и природы в наш технический век. Но если бы только об этом сказал писатель, истина осталась бы пусть вечным, но общим местом. Не только человек выбирает пути к природе, но и сама природа, живая у Айтматова, выбирает пути к человеку. Она приближает к себе людей внутренне естественных, она отталкивает от себя людей жестоких, тянущихся к невесомым на точных весах природы «ценностям».

Ион Друцэ говорит, по существу, о том же, о чем и Айтматов, — выбирайте в дорогу жизни вечные ценности, лишь они не обременят — обогащая, лишь они обогатят — не уродуя души. «Святая святых» — это название пьесы Друцэ может стать не только названием конкретного произведения, но и своеобразной эстетической категорией. По существу, все пьесы Друцэ о том, что в каждой душе, в каждом доме есть заветный уголок, красный уголок, чистая горница, по-молдавски — «каса маре». И чувства темные не должны загрязнить это святая святых.

тателю не покажется, что пьесы Ибрагимбекова — какой-то замкнутый мир. Лучшие из них привлекают как раз своей всечеловечностью, разрушением национальной обособленности, страстным желанием улучшить саму человеческую природу. Если вчера, говорит Ибрагимбеков своими пьесами, порядочными людьми могли считаться те, кто никого не обижает, то сегодня ласково-положительные, равнодушно-добрые уже не могут называться хорошими. Одно только неучастие в зле еще не может почитаться добром.

Словно сам белорусский язык привозил с собой в Москву добродушно-ершистый Андрей Макаёнок, безвременно ушедший от нас прекрасный писатель, — белорусский язык с его напористо-твердым произношением, с его удивительно добрым и мужицки-язвительным юмором, с его запахами черной трудовой земли, соснового бора, пьянящего настоя из грибов, прелой травы, и снова сосны, и снова

несколько лет бывал на семинарах драматургов молодой белорус Алексей Дударев. Писал заметно, его числили как «подающего надежды». Но Дударев о себе напомнил, да так, что заинтересовались и журналы, и театры — куда, мол, раньше смотрели? Его пьеса «Порог», посвященная жгучим драматическим проблемам бытия, написана как космическая притча; напитана живым белорусским фольклором.

Молод и украинец Ярослав Стельмах, но уже широко идет его школьная пьеса «Здравствуй, синичка!», а сейчас привлекла всех новая его композиция по «Молодой гвардии» — «Горькие травы», где вечная быль-легенда как бы рассказана через стихи одного из героев-молодогвардейцев. Горькая правда, овеянная поэзией, придает пьесе Стельмаха особый, патетический лиризм.

Только что прошла по многим сценам сатирическая комедия киевлянки Валерии Врублевской «Кафедра». Ныне в «репертуарных портфелях» ее новая пьеса «Визави», где в накаленном драматическом поединке сталкиваются две крупные, одновременно горестные и радостные женские судьбы.

Театр имени Ленинского комсомола. «Чинарский манифест» А. ЧХАЙДЗЕ. В ролях — арт. В. Кузнецов (слева) и А. Сирип. Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

что в понятие это непременно входит чувство юмора, можно поручиться. По-своему окрашен этот юмор — мудро-лирический у азербайджанца Анара, шумно-заразительный у армянского драматурга Папаяна,

«Часы с кукушкой» — так называется одна из пьес молодого латышского писателя Яниса Юркенса, пьеса самобытная, одновременно и символическая, и бытово-конкретная. Альманах «Современная дра-

матургия» принял к печати пьесу уже известного татарского драматурга Ризвана Хамида «Под знаком Марса», в которой рассказана как бы вновь ожившая в современной деревне история Ромео и Джульетты. Поэзия здесь — в сильных характерах, необлегченных столкновениях. Быть может, лучшей визитной карточкой этой пьесы в том, что ее перевел Виктор Розов.

В драматургии братских республик мы найдем и яркую, героичку, и философскую притчу, и поэтическую символику, и фантастический реализм, и производственный романтизм, и тихую психологическую драму, и народный сказ... Расцвет жанров окрашен сейчас в глубокие фольклорные тона, что придает нынешней драматургии особое разнообразие. И, быть может, самое важное — это разнообразие взглядов на наиболее существенные явления действительности. Смесь и плача, восторга и негодуя, радуясь и огорчаясь, веселясь и грустя, сеголняшний читатель и зритель нравственно растут на спектаклях современной драматургии, современного театра.

И все же каковы бы ни были успехи, надо говорить и о тревогах. За последнее время на всесоюзной, на московской сцене, где еще вчера афиша была поистине «сводной», национальная драматургия вновь как бы уходит на вторые планы.

Дело, мне кажется, и в том, что режиссура наша слишком сосредоточилась сегодня на едином стилистическом видении драмы как зрелища сугубо психологического, по возможности камерного. И даже произведения непростого, густо-жанрового письма, как правило, открываются на сцене все тем же простым «бытовым», без затейливых узоров и сложной резьбы ключом. Стоит обратить внимание, что успехи малых сцен (я говорю о Москве) связаны, как правило, все с теми же психологическими драмами, инсценировками, сделанными в традиционно-реалистической манере, как бы ни были сильны подчас в них и метафора, и аллегория. Режиссеры на малых сценах открывают сегодня все новые и новые глубинные пласты человеческих душ, дают новую жизнь заветам Станиславского — актера и режиссера, постоянно помнят о «мужественной простоте». Но, вероятно, нужна здесь и «прививка» — высокой трагедии, оглушительной комедии, патетической публицистики, словом, всего жанрового, а значит, и содержательного богатства, добытого единым многонациональным отрядом советской драматургии.